

Интервью с Его Превосходитель- ством господином В. Е. Тарабриным, Чрезвычайным и Полномочным Послом

Владимир Евгеньевич Тарабрин — специальный представитель Министра иностранных дел Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, директор Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел (МИД) России. Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. В системе МИД — с 1979 г. Работал на ведущих должностях в центральном аппарате Министерства и за рубежом: в 1995–1998 гг. — начальник отдела, заместитель директора Правового департамента; в 1998–2002 гг. — старший советник по правовым вопросам Постоянного представительства Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке (США), заместитель Представителя Российской Федерации в Совете Безопасности ООН; в 2002–2008 гг. — заместитель директора Правового департамента; в 2008–2013 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Габонской Республике; в 2013–2017 гг. — посол по особым поручениям по вопросам международного антикоррупционного сотрудничества; в 2017–2019 гг. — директор Департамента Ситуационно-кризисный центр. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Ключевые слова: терроризм, международное гуманитарное право, международное уголовное право, иностранные террористы-боевики.

: : : : : :

1. Растущее влияние/воздействие контртеррористических мер на сокращение пространства для гуманитарной деятельности. Нормативно-правовое регулирование контртеррористической деятельности существенно расширилось, особенно за последние двадцать лет. Цель этих усилий — снижение числа терактов и привлечение террористов к ответственности. Как Россия подходит к разработке таких мер — с учетом необходимости оградить от их последствий гуманитарное пространство и соблюдать иные общие стандарты в области прав человека?

В первую очередь, хотел бы сказать, что расширение нормативно-правового регулирования контртеррористической деятельности в Российской Федерации является прямым следствием изменения характера самих террористических угроз, ставших за указанный вами промежуток времени гораздо более изощренными и разноплановыми: террористы усложняют тактику, активно берут на вооружение современные информационно-коммуникационные технологии, используют пропаганду как для распространения радикальных идей, так и вербовки новых adeptов. По этой причине законотворческая деятельность России по противодействию терроризму отнюдь не является стремлением «зарегулировать» данную сферу, но обусловлено стремлением дать действенный отпор вполне конкретным вызовам, которые представляет собой современный терроризм, и Российская Федерация, будучи одним из ведущих государств мира в сфере антитеррора, разработала весьма детальное и эффективное контртеррористическое законодательство.

Фундаментальные подходы Российской Федерации к разработке данных мер предельно точно сформулированы в статье 2 *Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»* и включают, в частности, принцип обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина (который, между прочим, указан первым), принцип законности, принцип защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности. Указанные установления в полной мере корреспондируют со статьей 18 *Конституции Российской Федерации* (входит в «неизменяемую» Главу 2), согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Вместе с тем реализация прав человека, за исключением узкого перечня так называемых «абсолютных» прав (например, права не подвергаться пыткам), всегда может быть объектом законных, соразмерных и необходимых в демократическом обществе ограничений (допустимость

соответствующих ограничений вытекает и из положений *Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод*). Кроме того, безоговорочно приносить интересы национальной безопасности и антитеррористической защищенности в жертву правам человека не только противоречит здравому смыслу, но и едва ли соответствует идее прав человека как таковой. Недаром во многих профильных международных документах неизменно присутствует фраза о том, что меры по борьбе с терроризмом и права человека являются не взаимоисключающими, но взаимодополняющими¹.

Принципиальная позиция Российской Федерации, на которой основывается отечественное законодательство в данной сфере, состоит в том, что любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в их поддержке, должно привлекаться к судебной ответственности. В этом смысле принцип неотвратимости наказания за терроризм, которому следует Российская Федерация и который нашел отражение в параграфе 2е постановляющей части *резолюции СБ ООН 1373*, является важнейшей предпосылкой для принятия в России довольно жестких антитеррористических мер, в первую очередь в сфере уголовного права. В частности, российское уголовное законодательство является одним из самых детализированных в мире, что соответствует общим принципам уголовного права *lex certa* и *nullum crimen sine lege*: большинство соответствующих составов отнесено к категории тяжких или особо тяжких²; к лицам, совершившим соответствующие деяния, не применяются сроки давности; при этом виновным не может быть назначено условное наказание или наказание ниже низшего предела; по освобождении из мест лишения свободы данные лица автоматически подпадают под административный надзор, осуществляемый компетентными правоохранительными органами. Однако такая суровость обусловлена не только задачами общей превенции и высокой общественной опасностью подобных деяний, но и международно-правовыми обязательствами России, согласно которым мы обязаны квалифицировать террористические преступления в качестве серьезных правонарушений и принимать в отношении них соответствующие меры наказания.

- 1 В качестве примера можно привести положение параграфа 7 преамбулярной части *резолюции СБ ООН 2178*, согласно которой эффективные контртеррористические меры и уважение прав человека, основных свобод и верховенства права дополняют и усиливают друг друга и являются важнейшей составной частью успешной контртеррористической деятельности. Другим примером может служить параграф 6 преамбулярной части *резолюции СБ ООН 2395*, где отмечается, что эффективные меры по борьбе с терроризмом и реализация прав человека, основных свобод и принципа верховенства права носят взаимодополняющий и взаимоподкрепляющий характер и являются неременным условием успешного противодействия терроризму.
- 2 В соответствии со статьей 15 УК РФ тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, свыше пяти лет, но при этом не превышает десяти лет лишения свободы. Особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

2. Терминология («терроризм» — «насильственный экстремизм»), используемая для классификации деяний и при отправлении правосудия. Учитывая затруднения, вызываемые отсутствием общепризнанного определения терроризма, а также расширение границ концепции предупреждения насильственного экстремизма/противодействия насильственному экстремизму, как МИД России обходит эти терминологические сложности при разработке политических мер и законодательства, чтобы убедиться, что принципы международного права не нарушаются?

В первую очередь, следует уточнить, о каких принципах идет речь. Если вы говорите о принципах *jus cogens*, то хотел бы обратить ваше внимание на то, что в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. С учетом разъяснений, данных в *Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»*, под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Поскольку *Устав ООН*, закрепляющий основные принципы *jus cogens*, является составной частью национальной правовой системы, то и проблемы, поставленной вами в вашем вопросе, не усматриваем.

Вы верно подметили, указав на отсутствие в международном праве универсального определения терроризма. Однако это не означает, что в данном вопросе нет точек соприкосновения, поскольку иначе ни в ООН, ни в региональных организациях, занимающихся проблемами антитеррора, не удалось бы согласовать ни одного сколько-нибудь значащего документа в этой области.

Во-первых, на настоящий момент принято 19 универсальных международных договоров, криминализирующих различные разновидности терроризма (от захвата воздушных судов до нападений на ядерные установки). Отсылки к секторальным договорам фигурируют практически во всех региональных международно-правовых инструментах, включая, например, *Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года*, которую Российская Федерация ратифицировала первой среди государств — членов Совета Европы.

Во-вторых, существует *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года*, являющаяся одним из наиболее репрезентативных международных договоров, который насчитывает на настоящий момент 189 государств-участников. В соответствии с подпунктом (b) пункта 1 статьи 2 Конвенции противоправным считается любое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных

действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

В-третьих, в соответствии с параграфом 3 раздела I *Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма ООН*, без голосования принятой в 1994 году Генеральной Ассамблеей ООН, осуждаются всякие преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание.

Таким образом, выкристаллизовалось некое общее понимание того, что терроризм — это всегда незаконные акты, сопряженные с идеологически мотивированным насилием и стремлением субъекта запугать население или принудить государство к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения. Вроде бы все ясно. Однако ясно лишь на первый взгляд, поскольку затем начинаются нюансы. Например, Российская Федерация, как и большинство государств — членов ООН, категорически не признает доктрины государственного терроризма, которая используется рядом стран для необоснованного навешивания ярлыков на своих политических оппонентов и оправдания для вмешательства во внутренние дела государств в нарушение Устава ООН. В этом вопросе мы исходим из общепризнанного подхода, поддерживаемого подавляющим большинством государств и исходящего из того, что террористические преступления могут совершаться только частными субъектами.

Что касается упомянутого вами термина «насильственный экстремизм», то вопросы к данной англосаксонской конструкции у Российской Федерации возникли с самого начала.

Почему экстремизм — насильственный? Ведь есть и ненасильственный экстремизм. Что касается экстремизма насильственного, то если под этим термином понимается экстремизм, сопряженный с насилием, то обязательно ли такой экстремизм следует рассматривать в антитеррористическом контексте? Если да, то чем он отличается от терроризма? Вместе с тем в российском законодательстве криминализованы различные формы экстремизма, в том числе не связанные с насилием (например, публичная пропаганда экстремистских идей).

Что такое экстремизм? Однажды Вольтер сказал: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах». В международных документах принято ссылаться на международные определения, которых в данном случае не существует. Если мы не можем прийти к консенсусу об универсальном определении терроризма, то зачем, выражаясь языком великого средневекового схоласта Уильяма Оккама, множить сущности без необходимости и вводить в международный дискурс еще более туманное понятие?

Можно ли помыслить о таких насильственных формах экстремизма, которые находились бы вне террористического измерения? В случае положительного ответа на этот вопрос следует сказать, что в таком случае это совершенно иная проблематика, имеющая иной предмет регулирования и нуждающаяся в отдельных инструментах противодействия. Наш же ответ отрицательный, поэтому важно эксплицитно указать, что речь идет именно о насильственном экстремизме, ведущем к терроризму. По этой причине Российская Федерация во всех международных антитеррористических документах, где упоминается насильственный экстремизм, настаивает на использовании фразы «ведущий к терроризму»³, поскольку иначе это противоречило бы цели соответствующих международных документов и размывало бы их предмет.

3. Обращение с «бойцами-иностранцами», их репатриация, возвращение и привлечение к ответственности. Несколько слов о проблеме «бойцов-иностранцев» и ее последствиях для России. Как с ними обращаются в плане их судебного преследования, репатриации и т. д.?

Сразу хотелось бы возразить вам относительно избранной вами терминологии. Термин «боец-иностранец» не предусмотрен ни одним из существующих международных договоров в области международного гуманитарного права или международного уголовного права. Отсутствует подобный термин и в профильных резолюциях Совета Безопасности ООН или Генеральной Ассамблеи ООН. Россия не видит никаких убедительных оснований для использования данного термина в антитеррористическом контексте. В этой связи полагаем более уместным использование термина «иностранец-террорист-боевик», который имеет международно-правовое закрепление: в частности, согласно параграфу 8 преамбулярной части *резолюции СБ ООН 2178*, под таковыми понимаются лица, отправляющиеся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, с целью совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооруженным конфликтом.

В развитие положений *резолюции СБ ООН 2178* Советом Европы в 2015 году был разработан *Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма*, специально посвященный проблеме иностранных террористов-боевиков. В соответствии с данным международным договором криминализован целый ряд деяний, включая прохождение террористической подготовки, поездку за границу в целях терроризма, а также финансирование, организацию или оказание содействия такой

3 В качестве примеров можно сослаться на параграфы 6, 9, 17, 24, 31 преамбулярной части *резолюции СБ ООН 2396* и на параграфы 7 и 9 преамбулярной части и параграф 17 постановляющей части *резолюции СБ ООН 2482*.

поездке. Причем все указанные положения Дополнительного протокола надлежащим образом имплементированы в российское уголовное законодательство. В частности, с учетом заявления, сделанного Россией при подписании и ратификации Дополнительного протокола, поездка за границу в целях терроризма рассматривается в качестве приготовления к преступлению террористической направленности или покушения на такое преступление (соответствующая конструкция предусмотрена статьей 30 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В случае уголовного преследования оконченных преступлений, совершенных иностранными террористами-боевиками, привлечение их к уголовной ответственности осуществляется по специальным статьям УК РФ: например, имеется практика привлечения террористов к ответственности по статье 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества или участие в нем», статье 205.5 УК РФ «Организация террористической организации или участие в ней», статье 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем». При этом юрисдикционные основания для привлечения соответствующих лиц к уголовной ответственности в случае совершения ими преступления за рубежом детально раскрываются в статье 12 УК РФ.

По вопросу о репатриации иностранных террористов-боевиков, несмотря на явную остроту, существуют разные мнения. С точки зрения международного права, представляется неоспоримым право гражданина вернуться в страну своего гражданства. Российская Федерация накопила уникальный опыт репатриации детей иностранных террористов-боевиков: соответствующая работа в России ведется под эгидой Аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, и этим опытом мы готовы делиться и с другими государствами.

4. Какие виды санкций или ограничительных мер применяет Россия?

Помимо перечисленных выше уголовно-правовых мер, Россия применяет весьма широкий спектр административных мер антитеррористического характера: замораживание активов, ограничение свободы передвижения в рамках административного надзора, механизм признания организации террористической, ограничение на осуществление финансовых транзакций. Поскольку это совершенно необъятная тема, позволю себе привести лишь два примера.

Относительно недавно — в 2016 году — в законодательство Российской Федерации была введена новая норма, согласно которой совершение натурализованным в России лицом преступления террористической направленности является основанием для отмены ранее принятого решения о предоставлении ему гражданства Российской Федерации. В частности, в соответствии со статьей 22 *Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»* установленный вступившим в законную силу приговором суда факт совершения лицом хотя бы

одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных статьями 205, 205.1, частью 2 статьи 205.2, статьями 205.3–205.5, 206, 208, частью 4 статьи 211, статьями 281, 282.1–282.3 и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных статьями 277–279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности, приравнивается к установлению судом факта сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации. Таким образом, данная мера, с одной стороны, не является лишением гражданства, поскольку речь идет об отмене ранее принятого решения о натурализации, и тем самым не возникает ситуации безгражданства, а с другой стороны, обладает значительным превентивным потенциалом, поскольку указывает на установку Российской Федерации принимать жесткие меры в борьбе с терроризмом в интересах обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, в контексте осуществления Россией санкционных мер в отношении террористов хотел бы отдельный акцент сделать на тех из них, которые Российская Федерация, руководствуясь международно-правовым обязательством, предусмотренным статьей 25 Устава ООН, реализует во исполнение санкций, вводимых Комитетом СБ ООН 1267/1989/2253 по санкциям в отношении лиц и организаций, связанных с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. В частности, в России ведется Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, в который своевременно вносятся изменения, в том числе на основании решений, выносимых Советом Безопасности ООН.

5. Внедрение норм МГП в контртеррористические меры и санкционные режимы. Как стандарты в области прав человека и принципы МГП внедряются в используемые в регионе контртеррористические меры и санкционные режимы?

В данном случае следует сразу акцентировать то обстоятельство, что региональных санкционных режимов с участием Российской Федерации не существует. Однако на них свет клином не сошелся, и на региональном уровне предусмотрены не менее эффективные механизмы противодействия терроризму, в полной мере соответствующие универсальным международно-правовым стандартам в области защиты и поощрения прав человека.

Например, в *Хартии Шанхайской организации сотрудничества 2002 года* содействие обеспечению прав и свобод человека отнесено к числу основных целей и принципов ШОС. Именно в рамках ШОС была разработана *Екатеринбургская конвенция ШОС против терроризма 2009 года*, являющаяся одним из наиболее совершенных, инклюзивных и глубоко проработанных региональных договоров по данной проблематике и закла-

дывающая прочную базу для межгосударственного взаимодействия государств — членов ШОС на ниве антитеррора. В Екатеринбургской конвенции не только весьма точно и юридически безупречно раскрывается содержание терминов «терроризм»⁴ и «террористический акт»⁵, но и скрупулезно детализируются⁶ принципы и механизмы по криминализации различных составов антитеррористических преступлений (включая публичные призывы к терроризму или его публичное оправдание⁷, вербовку лиц для осуществления террористической деятельности⁸, а также различные формы содействия терроризму), предусматриваются предельно конкретные меры по привлечению к ответственности юридических лиц за причастность к терроризму⁹, регламентируются вопросы правовой помощи и выдачи¹⁰, а также обмена необходимой информацией между компетентными органами государств — участников Екатеринбургской конвенции по вопросам правореализации ее положений¹¹.

При разработке Екатеринбургской конвенции должным образом учитывались универсальные правочеловеческие стандарты. Предусмотренный статьей 11 механизм выдачи соответствует всем общепризнанным международным критериям, предъявляемым к данной процедуре, включая принцип специализации, принцип двойной криминализации и принцип *aut dedere aut judicare*. В договоре также зафиксированы высочайшие требования к конфиденциальности сведений, передаваемых в рамках оказания взаимной правовой помощи, что особенно актуально, когда речь идет об информации, затрагивающей основополагающие права личности. По этой же причине в диспозицию пункта 2 статьи 17 Екатеринбургской конвенции было включено положение о том, что компетентным органом запрашиваемой стороны может быть отказано в исполнении запроса компетентного органа запрашивающей стороны, если это противоречит законодательству запрашиваемой стороны; таким образом, государства — участники Екатеринбургской конвенции обладают юридической возможностью отказывать в исполнении запроса, в том числе если его исполнение может войти в противоречие с национальным законодательством в сфере прав человека. Реализация обозначенного в пункте 8 статьи 11 механизма передачи осужденных для целей отбывания наказания поставлена в зависимость от согласия самого осужденного лица, что отвечает универсальной международной практике. Кроме того, пунктом 1 статьи 7 предусматривается положение о необходимости поддержания межрелигиозного и межкультурного диалога, который может охватывать неправительственные организации и другие институты гражданского общества. Особого

4 Vid.: подпункт 2 пункта 1 статьи 2 Екатеринбургской конвенции.

5 Vid.: подпункт 3 пункта 1 статьи 2 Екатеринбургской конвенции.

6 Vid.: статья 5 Екатеринбургской конвенции.

7 Vid.: подпункт 4 пункта 1 статьи 9 Екатеринбургской конвенции.

8 Vid.: подпункты 5 и 6 пункта 1 статьи 9 Екатеринбургской конвенции.

9 Vid.: статья 10 Екатеринбургской конвенции.

10 Vid.: статья 11 Екатеринбургской конвенции.

11 Vid.: статья 12 Екатеринбургской конвенции.

упоминания заслуживает положение статьи 23 Екатеринбургской конвенции, запрещающей предоставлять статус беженца лицам, причастным к терроризму и направленной на повышение значения международного беженского права и недопущение злоупотребления террористами фундаментальными гарантиями, которое международное право предоставляет беженцам.

Отдельного упоминания заслуживают контртеррористические меры, предпринимаемые в рамках Содружества Независимых Государств, где сложился совершенно уникальный договорно-правовой режим в сфере антитеррора, сердцевину которого составляет зонтичный *Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 года*, в развитие которого были разработаны специальные соглашения по отдельным аспектам антитеррористического взаимодействия: *Соглашение о взаимодействии государств — участников СНГ по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной охране 2008 года*, *Соглашение о сотрудничестве в подготовке специалистов антитеррористических подразделений в учебных заведениях компетентных органов государств — участников СНГ 2012 года*, *Соглашение об обмене информацией в рамках СНГ в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием 2012 года*. Все эти региональные договоры разработаны при неукоснительном соблюдении основополагающих современных правочеловеческих стандартов и с учетом положения статьи 2 Соглашения о создании СНГ 1991 года, предусматривающей обязательство обеспечивать надлежащую защиту прав человека на пространстве государств — участников СНГ. Большим достижением СНГ стало принятие в 2009 году Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ модельного закона о противодействии терроризму, где принцип защиты прав человека также отнесен к числу краеугольных камней противодействия терроризму.

Теперь об МГП. Российская Федерация исходит из того понимания, что предмет регулирования и цель МГП отличаются от предмета регулирования и цели международно-правовых инструментов в области борьбы с терроризмом.

Во-первых, предметом регулирования МГП являются правоотношения участников вооруженных конфликтов в связи с такими конфликтами, а цель МГП состоит в стремлении субъектов международного права минимизировать страшные последствия войны для людей (в первую очередь, тех, кто не участвует в военных действиях или прекратил участвовать в них). Вместе с тем предмет регулирования международных антитеррористических договоров представляет собой правоотношения государств в сфере межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом посредством различных механизмов (криминализации соответствующих деяний, установления уголовной юрисдикции, осуществления взаимной правовой помощи и выдачи), а цель — искоренение терроризма как явления.

Во-вторых, подавляющее большинство норм и принципов МГП является неотъемлемой частью общего международного права и имеет прямое действие, в то время как международные антитеррористические договоры нуждаются в имплементации в национальное законодательство. Следовательно, серьезные нарушения МГП образуют международные преступления, совершение которых предполагает возможность установления универсальной юрисдикции. Ответственность же за деяния, запрещенные международными антитеррористическими договорами, наступает постольку, поскольку государства, участвующие в соответствующем договоре, предусмотрели ее в своем национальном законодательстве.

Таким образом, для целевого внедрения положений МГП в договорно-правовые механизмы в сфере антитеррора не видим никаких правовых оснований. И это, в целом, общемировая практика.

6. Необходимость предусматривать исключения гуманитарного характера в том, что касается контртеррористических мер и санкций. Какова точка зрения МИД России на необходимость предусматривать в национальном контртеррористическом законодательстве исключения гуманитарного характера, чтобы убедиться, что принимаемые меры не сказываются на работе гуманитарных акторов? Учитывая, что в разных странах подобные исключения формулируются по-разному, есть ли какая-то идеальная модель, которую, по мнению МИД России, следовало бы взять за образец?

Российская Федерация крайне настороженно относится к подобным исключениям. Полагаем, что защита гуманитарного персонала и медицинских работников является одним из важнейших аспектов деятельности по обеспечению соблюдения МГП. Так, согласно статье 9 *Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 года* отсутствуют какие-либо препятствия для гуманитарных действий, которые Международный комитет Красного Креста или любая другая беспристрастная международная гуманитарная организация предпримут для защиты раненых и больных, а также санитарного и духовного персонала и для оказания им помощи с согласия заинтересованных сторон, находящихся в конфликте. Кроме того, под защитой МГП находятся лица, беспристрастно и на недискриминационной основе, а также с согласия заинтересованных сторон вооруженного конфликта участвующие в операциях по оказанию гуманитарной помощи, что вытекает из положений статьи 71 *Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 года* и статьи 18 *Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, 1977 года*. В этой связи всякое посягательство на жизнь данных лиц образует серьезное нарушение международного гуманитарного права и является уголовно наказуемым деянием.

Вместе с тем считаем неприемлемыми любые злоупотребления гарантиями, предусмотренными МГП в указанной сфере. Полагаем недопустимым, чтобы медицинские и гуманитарные организации прямо и косвенно содействовали террористам, подрывая международные антитеррористические усилия, в том числе в области противодействия финансированию терроризма. Данный подход согласуется и с положениями параграфа 24 постановляющей части *резолюции СБ ООН 2462*, где предусматривается, что при выработке и применении мер по противодействию финансированию терроризма государства должны учитывать лишь ту деятельность, которая: во-первых, является сугубо гуманитарной; во-вторых, проводится беспристрастно; в-третьих, осуществляется в соответствии с международным гуманитарным правом. Данная позиция была подтверждена в недавно принятой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 75/291 по 7-му обзору Глобальной контртеррористической стратегии ООН.

7. Принятие решений/разработка мер при формулировании и применении санкционных режимов. Какие структурные подразделения МИД России участвуют в разработке, принятии, применении и обеспечении соблюдения российской политики и законодательства в области санкций? Можете ли вы вкратце описать процесс принятия соответствующих решений? Претерпел ли российский подход в этом отношении какие-либо существенные изменения за последнее время?

МИД России участвует в разработке, принятии, применении и обеспечении соблюдения российской санкционной политики в части, касающейся санкций, вводимых по линии Совета Безопасности ООН. Соответствующая работа ведется по линии Департамента международных организаций МИД России и Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России в плотной координации с компетентными российскими министерствами и ведомствами. В соответствии с пунктом 2 (б) *Указа Президента РФ от 08.11.2011 № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации»*, МИД России способствует взаимодействию федеральных органов государственной власти и их должностных лиц в целях обеспечения соблюдения принципа единства внешней политики и выполнения международных обязательств Российской Федерации при осуществлении этими органами и лицами международной деятельности.

Российская Федерация придерживается максимально сбалансированного и деполитизированного подхода при решении соответствующих вопросов.